

К Р О К О Д И Л

Ю Ганф
42

Очередной нажим.

Рис. Ю. Ганфа

Рис. В. Горьева

Черкес Мухамедов отмечает количество убитых им фрицев палочками.

Обер-лейтенант Шульц отмечает количество тех же фрицев крестами.

Только для немцев

Париж. Магазины.
 Построились в ряд
 Сыр, шоколад,
 конфеты...
 На яркой витрине
 висит плакат:
 «Только для немцев
 все это!»
 Печально в Париже
 француз заживет,
 Вадыкает:
 — Когда же наемся?!
 Свобода и воздух,
 еда и питье —
 Все это
 только для немца!
 И вот патриотом
 В Париже наднях

Приготовлен сюрприз
 богатый:
 Красуются всюду —
 на всех фонарях:
 «Только для немцев!» —
 плакаты.
 Борись, патриот,
 презирая страх,
 Ни жизни, ни сил
 не жалея.
 Развесь оккупантов
 на всех фонарях —
 И станет в Европе
 светлее!
 Тбилиси.
 Георгий КРЕЙТАН

Завертайло

ГОЛОС шел издали, как будто с другого конца света, хотя до областного центра было не больше шестидесяти километров.

— Не слышу, не слышу! Повтори! — кричал председатель горисполкома, побагровев от напряжения. — Скажи еще раз!

В трубке стонало, рычало, треск и вопль, скрежет и чорт знает что! Председатель горисполкома закрыл трубку рукой:

— У этого редактора голос, как у девицы. Ему бы в балете танцевать с таким голосом.

Он вытер рукавом черной косоворотки лоб и щеки и снова начал выкрикивать:

— Я слушаю! Я слушаю! Да, да, у телефона Лазарчук... Громче, да громче говори! Прошу тебя: продуй трубку!.. Что-то очень важное, — прошептал председатель горисполкома, и все, находящиеся в его маленьком кабинете, придвинулись еще ближе к столу с телефоном. Внезапно морщины напряжения разгладились на лице Лазарчука. — Так, так... — сказал он и внезапно счастливо улыбнулся. — Конечно, это наш... Завертайло — это наш... А имя-отчество как? Как? — внезапно закричал он, снова побагровев. — Как? Повтори! Не слышу! Не слышу! Да, да у телефона! Лазарчук у телефона!..

Но сколько уже ни кричал председатель горисполкома, сколько ни дул в трубку и ни ругал редактора областной газеты, телефон трещал и вопил, и вскоре всем стало ясно, что нужно отложить разговор.

Совершенно взмокнувший председатель горисполкома положил трубку на рычаг, и сказал голосом, дрожащим от волнения и обиды:

— Нашему земляку Завертайле звание Героя Советского Союза дали. Наш Завертайло, с нашего города; вот имя-отчество не сказал, как...

— Я знаю трех Завертайлов, — сказал зав. плановым отделом горисполкома. — Завертайло с 172-го завода, Завертайло с банно-прачечного треста, и в банке работал Завертайло. Боевой народ!..

— Завертайло!.. — молвила задумчиво исполняющая обязанности зав. горнаробрздом. — У нас в десятилетке был преподаватель Завертайло, Кузьма Ильич. Очень толковый, боевой человек. Верно, он...

— Вы в этом уверены? — едко заметил заедующий плановым отделом. — А те Завертайлы, о которых я говорил, — это не боевые не смелые?

— Нашли время спорить! — прервал его зав. райздравотделом. — Искренно удивляюсь вам... А вы не успели спросить, товарищ Лазарчук: не врачом ли работал Герой Советского Союза Завертайло? У нас был врач с такой фамилией, и я несколько не удивлюсь...

Председатель горисполкома глянул на своих сотрудников веселыми глазами и снял телефонную трубку.

— Девушка, — сказал он умоляюще, — постарайтесь поскорее соединить меня с областью. У меня волнения в горисполкоме... Хорошо, спасибо!

Он положил трубку:

— Чтоб в одном городе столько Завертайлов! И все боевые!..

Юхим МАРТИЧ

Действующая армия.

— Безобразие! Не ценит она времени! Ведь я на работу опоздал на час, а ее все нет!

Жалоба Хрисанфа Спичкина

УВАЖАЕМЫЙ тов. редактор!

Я Спичкин, Хрисанф Спичкин, вы, наверное, обо мне слышали. В 1939 году я обвинился в прогуле, но, доказав свое алиби, был оправдан и с тех пор самоотверженно тружусь на вышке общественного питания в качестве заведующего столовой райторготдела. За три года беспорочной службы был два раза снят с моей ответственной должности по обвинению в нехватке чуткости к запросам потребителя, но, осознав свою вину, был оставлен, о чем свидетельствует прилагаемое при сем удостоверение за соответствующими подписями и печатью.

Все шло хорошо до 19 сентября текущего года, когда в местной газете появилась компрометирующая меня заметка о том, что в руководимой мной столовой обнаружены признаки недопустимой антисанитарии и антигигиены. Поскольку вышеуказанная заметка бросает на мою некомпрометируемую личность известную тень, я обращаюсь через посредство вашего журнала с просьбой поместить нижеуказанные строки, проливающие яркий свет на мою скромную фигуру.

Не спорю, за последние месяцы в моей столовой стало меньше санитарии. Но я и не гонюсь за ней. В условиях военного времени есть более важные задачи. И если в такое время находятся люди, готовые поставлять мне в вину грязные тарелки, на которых подается еда, то я должен со всей решительностью протестовать. Я сам человек культурный, и тем не менее у меня дома второй месяц стоит немалая посуда, ибо можно ли заниматься сейчас такими мелочами?!

Автор заметки окалует, что в столовой неделями не убирается мусор. Это заявление голословно. Мусор не убирается всего 27 дней, то есть с средних чисел августа, когда я вынужден был сократить уборщицу и вместо нее пригласить ответственного работника по даче объяснений на записки посетителей в жалобной книге.

Жалобы на антисанитарное состояние столовой настолько участились, что предло мной стоял выбор: либо самому отвечать на них — и тогда не оставалось бы времени для руко-

водства — либо изыскать штатную единицу для сотрудника, который отдавал бы все свои силы и способности жалобной книге. Я выбрал последнее и поступил, по-моему, правильно.

В заметке содержится намек на то, что я своей опустившейся внешностью подаю дурной пример обслуживающему персоналу. На эти намеки я даже не считаю возможным реагировать. Целиком с головой погрузившись в работу, я не только о бритве или свежем воротничке, но даже дорогу к бане забыл. И если автор заметки, бросая мне обвинения, этого не понимает, — значит, он ничего не понимает.

Вот все, что я хотел, товарищ редактор, сказать в свою защиту. Надеюсь, что вы меня поймете и примете во мне участие. Ответ шлите не на адрес столовой, от руководства которой я уже освобожден, а на квартиру.

С приветом. Хрисанф Спичкин.

Письмо подготовил к печати
И. ВЕРХОВЦЕВ.

В парикмахерской

РАДИО передавало утреннее сообщение Совинформбюро. Только что кончились боевые эпизоды и посетители парикмахерской в молчании выслушали сообщение о подвиге сержанта, уничтожившего огнем автомата девятнадцать врагов.

Круглолицый человек с бритой головой, которому тщательно намыливали щеку, сказал:

— Да, безусловно, молодец. Но я лично предпочитаю станковый пулемет.

В парикмахерской наступила почтительная тишина. Обросший золотистой щетиной командировочный с портфелем и чемоданом отложился в сторону «Огонек» и посмотрел на бритоголового человека. До сих пор он смотрел на него с известной неприязнью, потому что бритоголовый обошел его в очереди.

— Почему же станковый пулемет? — вежливо спросил он.

— Более эффективное оружие, — спокойно сказал бритоголовый. — Помните, был случай, один станковый пулемет задержал продвижение целой роты фрицев. А граната, например! Незаменимая вещь в бою. Четыре гранаты за пояс — иди себе спокойно и только поглядывай. А снайперская винтовка! Разумеется, в руках у настоящего юрелка. Чудой! Ничего так не боятся немцы, как меткого снайперского выстрела. Я вспоминаю...

В парикмахерской наступила тишина. Даже свежеекрашенная блондинка, которой делали маникюр в женском отделении, перестала стрекотать. Ученица-стажерка, только что пустившая в двух местах кровь клиенту, раскрыв рот, повернулась к бритоголовому. Только мастер с седым ежиком — старожил парикмахерской — продолжал звенеть ножницами.

— На чем я остановился? (Насчет чего это я?.. Ага! Насчет снайперской винтовки... Короче говоря, это вещь. Немцы, конечно, тоже знают ей цену. Вот и пленные тоже: шепчут, а скажут пару слов о работе снайперов. Помните, был такой случай... Быют минометы...

— Не беспокоит? — шепотом спросил парикмахер.

— Привычка. На фронте главное — привычка.

— Я не о том, извиняюсь: бритва не беспокоит?

— А?.. Ничуть... Так о чем это я?

— О минометах.

— Да, о минометах. Быют минометы... Шестиствольные, разумеется. А миникосок — вот как вы сидите — походная кухня. Хлопается мина прямо в щи. А щи, как назло, повару не удались. Ну бывает так; в походной жизни раз на раз не приходится. Значит, хлопается мина и попадает прямо в щи. Ну, разумеется, от щей и от кухни одно воспоминание. Все обозлились, ругаются; шутка ли фронтовику без обеда остаться! И только один повар почему-то ходит довольный. А командир и говорит: «Ну, Евстигнеев, подвезло вам нынче, а то попало бы вам от меня за такие щи». Война, понятно, — война, но есть, знаете ли, во фронтовой жизни и веселые минуты.

— Понятно, — улыбаясь, сказал командировочный, — без этого никак нельзя.

— Даже не припомнишь всего... Ну, скажем, передний край. Бомбежка... Быют тяжелые, стрекочут пулеметы, — словом, что называется, полный разворот. А тут же, в двух шагах от тебя... Что, юдеколон? Можно и одеколоном. А насчет пудры не надо, не люблю; нам, фронтовикам, это ни к чему. Все? Сколько вам полагается?

С бритоголового сняли покрывало. Он оглядел свои сверкающие сапоги, подтянул ремни и, с удовольствием взглядев себя в зеркало, пошел к выходу.

— Жаль, — сказал командировочный, усаживаясь в кресло, — очень жаль...

Звон ножниц прекратился, и мастер с седым ежиком сумрачно наклонился к клиенту:

— Чего, собственно, жалеть?

— Да вот товарищ не досказал... Я сам, знаете, приезжий из глубокого тыла. Интересно же послушать рассказ фронтовика...

— «Фронтовика»? — мастер с седым ежиком даже свистнул. — Продавец из военторга: Советская, дом номер восемь, — вот он кто! По глазам его искали, а вы говорите: «фронтовик!». Ох, провинция!..

Командировочный всплеснул руками:

— А я ему очередь еще уступил! Действительно, провинция! — и со злостью устыдился в зеркало.

Л. НИКУЛИН

ЖИЗНЬ В АДУ

Рис. Бор. Ефимова

— Эй, там! Разогревайте еще котлы! Прибыла свежая партия фрицев! Русские снайперы работают всюю!

Рис. И. Семенова

— В моем взводе по списку все налицо!

Метки

(По столбцам крестовника)

НЕИСПРАВНЫЙ

В целях исправления уголовного Карла Швайна зачислили добровольцем в германскую армию и прямо из тюрьмы отправили на фронт.

Через некоторое время родители Карла узнали, что их сын не только не исправился, но и окончательно разложился... в могиле.

(«Боевое знамя».)

В НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЕ

УЧИТЕЛЬ: — Карл, какая самая распроданная порода деревьев в России?

КАРЛ: — Береза, господин учитель.

УЧИТЕЛЬ: — Правильно. А что из берез делают?

КАРЛ: — Кресты для наших солдат, господин учитель.

(«На врага».)

НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ

Когда фашисты стали делить награбленное добро, рыжий Курц Мюллер сказал:

— Друзья, не забудьте: у меня четверо детей. На мою долю — побольше.

Когда наши бойцы взяли Курца Мюллера в плен, он сказал переводчику:

— Товарищ комиссар, ради бога, пощадит у меня четверо детей.

(«Боевая тревога».)

Рис. Б. Фридкина

— Молодцы наши партизаны! Довольствие прибыло своевременно!

Фантазия

потерь нет, господин обер-лейтенант!

Ударом

(«Арноармейской печати»)

ТОЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ

РАЗВЕДЧИК: — Бабушка! Много немцев осталось в вашей деревне?
БАБУШКА: — Да, много, родимый: целое кладбище.

(«Врага на штык».)

БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК

— Пауль, почему ты весь в синяках?
— Меня наказали в школе.
— За что?
— На уроке зоологии я нарисовал мартышку, а учитель меня избил и сказал, что не позволит пририсовывать Геббельсу хвост.

(«Патриоты родины».)

НЕСЛОЖНАЯ АРИФМЕТИКА

— Поздравляю вас, фрау: к вам возвратился с восточного фронта два сына.
Да, но из двух возвратившихся я смогу составить только одного целого.

(«Советский боец».)

ЗАВИСТЬ

— Слушай, Ганс, я вчера читал в газете, что наши катера в трудных условиях сделали по 25 узлов.
— Ого, здорово хапают наши ребята! А мы, горемыки, больше двух узлов в день собрать не можем.

(«Красный Балтийский флот».)

Славии

ы Наладили работу транспорта. Пронно.

ДВА милиционера вели толстого хорошо одетого человека с портфелем в руках.

Лицо у толстого человека было растерянное, глаза беспокойно бегали по сторонам.

Приглядевшись, я узнал Фимушкина.
— Фимушкин?! Что с вами?..

— Ничего... Вот иду... кажется, в нар- суд!

Когда человека сопровождают милиционеры, а направляется он в нарсуд, он как две капли воды похож на подозреваемого.

— Товарищи, в чем дело?.. Это же Фимушкин, мой знакомый. (Куда вы его ведете?..

— Куда надо, туда и ведем! — загадочно сказал один из милиционеров.

А второй посмотрел на меня подозрительно и добавил:

— Напрасно вы, гражданин, поддерживаете связи с ворами!..

— С ворами?!
Я посмотрел на Фимушкина: он жалко сопел носом.

— Что же он украл?
— Часы.

— Золотые?
— Золотые. В общем драгоценные. Полтора часа слязнил. (Крупный воруго!..

— Полтора часа?! Какие полтора часа?!
— Вы кто, гражданин, с плуны свалились?..

Вы понимаете, что такое «время» в военное время?.. Ваш знакомый опоздал к выполнению важного задания на полтора часа!.. Теперь ему пропущут иждиву...

— А разве теперь за опоздание... того... прописывают?

— Прописывают. С сегодняшнего дня. А вы... давно знакомы с гражданином Фимушкиным?

В глазах милиционера зажегся профессиональный огонек.

— Нет, собственно, недавно, — сказал я. — И вообще... Какой же он мне знакомый? Так... встречались... раза два. Полтора часа спер?! Ай-ай-ай! Вот такие все дело портят.

Вы, извините, товарищи, мне гора... Я ускорил шаг и на коротком галопе убежал в учреждение, куда был вызван на прием к управляющему ровно на 6 часов.

В приемной сидело человек шесть—восемь. На часах было двадцать пять минут седьмого. Пегая секретарша равнодушно ругалась с посетителями:

— Что? Когда начнет прием? Когда начнет, тогда и начнет.

— А когда начнет?
— Как только начнет. Он сейчас по телефону говорит. Надо понимать, гражданин!

У меня отлегло от сердца. Милая, знакомая картина! Ничего не изменилось.

В половине седьмого управляющий адрут вышел из кабинета в приемную бледный, как известка.

Он блудливо глянул на часы, криво улыбнулся и тяжело бухнулся на колени.

— Братцы! — жалобно проблеял управляющий. — Товарищи... Родненькие... Пожалейте, не вкалуйте... Честное слово, не знал. Только сейчас позвонили, сказали, что с сегодняшнего дня... иждиву прописывают. Клянусь, не буду больше у вас время воровать. Не погубите! Не дайте человеку пропасть в военное время...

— А вот и нет тебе моей пощады в военное время, воруго! — с чувством сказал старичок в кепке, сидевший в углу. — Гражданин, вяжите его!

Управляющий заплакал. Мне стало противно, и я вышел на улицу.

На бульваре я сел на скамеечку, чтобы отдышаться, покурить и собраться с мыслями.

Мимо меня торопливой рысцой бежали москвичи. До ушей моих долетали обрывки разговоров:

— За десять минут (большую иждиву прописывают или малую?)

— Среднюю.

— У нас директор (вороворовался. Пришла комиссия, подсчитала: в двадцати рабочих часах не мог отчитаться.

— Прописуют, поди?

— Еще как прописуют!

Фантазия? А знаете, очень жаль, что это только фантазия.

Л. ЛЕНЧ

Редакции венгерских газет дознают анонимные телефонные звонки, которые клепят редакторов за предательство.

Рис. А. Каневского

— Вы предатели и холуи!..
— Алло! Кто говорит?
— Все говорят.

Рассказ сержанта

Поезд шел на Калугу.

Нас было трое в купе жесткого вагона: я, сержант и боец. Разговорились о том о сем. Но, конечно, все больше о войне. Не помню, как это случилось, но наша беседа коснулась героических подвигов советских разведчиков. И вот тогда-то боец и сказал:

— О разведчиках интересно может рассказать товарищ сержант.

Сержант недолго заставил себя просить. Он почесал затылок, улыбнулся и начал:

— Опишу я вам вкратце один эпизод. Есть у нас в части парень. Сам он из Сибири. В тайге воспитывался. А там всякий мужчина — следопыт и охотник. И как пошел он в Красную Армию, то сразу пожелал стать разведчиком. «Охотился я, — говорит он, — за таежным зверем и хочу сейчас поохотиться за фашистским врагом». И вот наш сибирский охотник начал бродить по брянским лесам и выслеживать немцев. Зовут его Герасим Носков.

Однажды вечерней порой Носков пошел в разведку. Идет и потихоньку сам с собой разговаривает. А должен вам, между прочим, отметить, что этот самый Герасим Носков — парень ничего, веселый, но маленько с придурью. Правильно я говорю, товарищ Степанушкин?

Этот вопрос был обращен к красноармейцу. Тот рассмеялся и сказал:

— Во всей точности не скажу. Я его мало знаю.

Сержант продолжил:

— Ну а я его отлично знаю. Не раз встре-

чались. И в разведку вместе ходили. Так вот, идет он лесной тропинкой и самому себе отдает по всем правилам приказ: «Товарищ Носков, вам надо проникнуть в деревню Н., пробраться в немецкий штаб и принести оттуда документы». И тут же по всем правилам сам себе отвечает: «Есть проникнуть в деревню Н., пробраться в немецкий штаб и принести оттуда документы».

За таким интересным разговором время незаметно прошло, и разведчик приблизился к гумнам, стоящим недалеко от деревни К. «Товарищ Носков, — сказал себе товарищ Носков, — теперь для соблюдения осторожности лечь на землю и ползти огородами». «Есть для соблюдения осторожности лечь на землю и ползти огородами».

Приказание было немедленно выполнено — лег и полз. Ползет, ползет...

Короче говоря, не прошло и получаса, как наш главный разведчик очутился в немецких руках. Как это произошло, рассказывать долго. А поэтому прямо перехожу к делу.

Толстый фельдфебель со свиным рылом дал ему раза три по морде и сказал: «Сейчас мы тебе будем делать капут». И заперли его, избитого, окровавленного в какой-то амбар.

Прошел день, никакого капута нет. Вызвали Носкова на допрос к долговязому и лысому обер-лейтенанту. А наш Герасим не будь дураком и прикинулся дурачком. Долго с ним кантелились, ничего путного не добились, дали ему раза два по загривку и опять повели в амбар... Товарищ Степанушкин, мне скоро сходить?

— Через одну остановку, товарищ сержант, — ответил боец.

— Вот и хорошо. Как раз успею досказать... Сидит Носков в амбаре и сильно скушает. Особенно потому, что без всяких хитростей приходится существовать. «Не робеть, товарищ Носков!» — говорит он сам себе. Есть не робеть!»

Вдруг приходит в амбар тот самый фельдфебель со свиным рылом и велит выходить. «Сейчас они мне капут будут делать», — решил Носков. «Плеваты на капут, товарищ Носков». «Есть плеваты на капут». А все-таки как-то неприятно и обидно.

Но тут выяснилось, что немцы действительно поверили, что наш разведчик — дурак и простодушен. Фельдфебель объявил Носкову, что он будет обслуживать господ офицеров: чистить им сапоги, ставить самовар, колоть дрова. Сплошной умственный труд.

Так прошло дней пять. Герасим полностью вошел в свою роль. Работал он без всякого саботажа: сапоги у господ офицеров блестели светлее дня, темнее ночи.

А на шестой день Носков отдал себе приказ: «Прекратить комедию, товарищ Носков!» «Есть прекратить комедию». Он забрался в чемоданы к господам офицерам, забрал карты и документы, а затем отыскал фельдфебеля со свиным рылом и говорит ему: «Герр фельдфебель, гутен морген! Любят ли ваши офицеры свежую рыбу? Потому как мне известно, что в речке за деревней водятся замечательная рыба. А я специалист по этому делу. Снасти же можно достать у крестьян».

Фельдфебелю сильно понравилось это конкретное предложение... Товарищ Степанушкин, мне же на этой остановке сходить?

— Нет, на следующей, товарищ сержант.

— ...Достали снасти и пошел Носков с фельдфебелем на речку.

И вот идет Носков с фельдфебелем. Дело было к вечеру. Солнце садилось вдали за леском. Идет Носков с фельдфебелем.

День был тихий, погожий. Лишь маленький, робкий ветерок превозмил кусты. Идет Носков с фельдфебелем.

Повернули вправо, вышли на ковыль. Уже и речка показалась. Идет Носков... А где же герр фельдфебель?

А вот он позади — лежит в кустах, лицом вниз. Крепким ударом по голове оглушленного разведчика. Герр фельдфебель, гутен морген!

«Бултых в воду, товарищ Носков!» «Есть бултых в воду!» Короче говоря, в тот же вечер Носков, весь мокрый, предстал перед своим командиром... Ага! Вот и моя станция. До свидания. Желаю всего хорошего.

— Спасибо за рассказ, — сказал я, — очень рад был познакомиться с вами, товарищ сержант. А можно узнать вашу фамилию?

— Иван Перепечко.

Поезд остановился. Иван Перепечко вышел из вагона. Мы остались вдвоем с бойцом.

Боец, смеясь, сказал:

— Ну, и наврал же вам сержант!

— Как? Все, что он рассказал, — лось?

— Нет, только насчет своей фамилии. А все остальное — истинная правда. Никогда он Перепечкой не был. Зовут его Герасим Носков.

Г. РЫКЛИН

Утро Ганса

(Из записок приятеля)

Ровно в 8 — на молитву,
В 8¹⁰ — на гробак.
В 8⁴⁰ — в битву...

Думал, будет день хорош...
Съел он курицу; однако
Не унялся аппетит...
Ровно в 9 — шел в атаку.
В 9¹⁰ — был убит.

А. ЖАРОВ.

Северный флот.

Рис. Б. Клинка,

— Как дела, господин Квислинг?

— Отлично! Фюрер продлил мое арийское происхождение еще на две недели.

— А сынок-то ваш как вырос, фрау!
 — Да, хоть сейчас на фронт! Он у меня уже часы украл — настоящий солдат!

Письма и песни

Жили два бойца в землянке,
 За курганом, у реки.
 Оба снайперы-герои,
 Знаменитые стрелки.
 Был один — любитель писем,
 Это видно по всему:
 Отправлял он с каждой почтой
 Ежедневно по письму.
 Был второй — любитель песен,
 Это слышно было всем:
 Знал он песен всевозможных
 Сотен шесть, а может, семь.
 И сказал однажды первый:
 — Все ж мы мало бьем зверья;

Обязуюсь счет повесить
 К годовщине Октября.
 Сколько строчек в письмах к милой
 Я за месяц напишу,
 Столько немцев из винтовки
 Я за осень уложу!
 А второй сказал, подумав:
 — Я до писем неохоч!
 А зато вот наши песни
 Петь готов я день и ночь!
 Обязуюсь: сколько песен
 Я за месяц проложу,
 Столько немцев из винтовки
 Я за осень перебью!

И с тех пор влюбленный снайпер
 (Звать его Петров Кузьма)
 Стал писать своей любимой
 Ежедневно два письма...
 А второй, Макаров Федор,
 Взяв винтовку на ремень,
 Два десятка новых песен
 Исполняет каждый день...
 Строчки тесные чернеют,
 Песни льются чередой.
 ...Что-то немцы реже стали
 К речке бегать за водой...

Алексей РЕЗАПКИН.

Действующая армия.

ПОСЛЕ РУССКОЙ КОНТРАТАКИ

Рис. К. Елисеева

— Удивительно упорный народ эти русские: как я с ними ни бился, никак не мог уговорить их, что мы должны победить.